

Е.Ф. САБУРОВ

Экономика как драма идей

Вот уже полтора ста, а то и все двести лет на переднем плане гипотетической гуманитарной науки находится экономика. Отнюдь не филология, как это было раньше, не история и даже не новомодные психология и социология. Утверждение это бездоказательное, но верное. Пусть кто-нибудь опровергнет или подтвердит мою мысль, это меня сейчас не слишком интересует. Меня интересует другое. После периода становления в начале XVIII и в XIX в. экономика получила колоссальный аппарат, возможность говорить о вещах, которые до того даже не осмыслились. И к началу XX в. подошла уже с богатым инструментарием и с некоторым особым взглядом на окружающее. Но что же было дальше? Вот что интересно!

Если наука действительно становится наукой, в ней начинается драма, столкновение мнений, в ней возникают разные течения. И, как правило, таких течений два, кто-то должен с кем-то сталкиваться все время. Думаю, что в начале XX в. экономика осознала, что она больше не является наукой о том, как люди обмениваются между собой, или даже наукой о дефицитных ресурсах. Она осознала, что *может влиять*, причем влиять на очень многое. И экономика стала искать инструменты влияния.

Но в начале XX в. неимоверную, совершенно чудовищную, так скажем, “весовую категорию” среди различного рода человеческих общностей заняло государство. Этого не было никогда. Государство никогда не было таким сильным, таким агрессивным и таким глупым. Мы до сих пор, на мой взгляд, так и не оценили всего идиотизма и морального падения Первой мировой войны, а это было время, когда все готовились к ней. Когда идиоты – отмороженные златомундирные старички, которые считали себя средневековыми рыцарями, играли народами в карты. Собирались – кто-то выиграть, кто-то проиграть. Это чудовищно. У них была возможность это сделать, и они это сделали. Несмотря на то, что это не укладывается в голове у нормального человека; они послали миллионы людей на смерть. И это показывает, что государство стало совершенно другим.

Это не отдельные походы XVII в., это тотальная война – всех против всех. Здесь мы видим совершенно разные вещи по существу. И экономисты, как и всякие ученые, хотели влиять на идущие процессы, они искали на кого надо влиять, кто влиятелен. Они хотели, как говорится, “как лучше”. Действительно искали, как повысить благосостояние людей. Ведь у них была очень простая задача: был голод, люди жили очень плохо. Решение проблемы в основном упиралось в достаточно плохие распределительные механизмы, которые экономика к тому времени стала хоть в какой-то степени понимать. И тут развернулась полемика, драма, которая в экономической науке продолжалась весь XX в. По крайней мере, она была на поверхности, и все только ее и обсуждали.

Начал эту полемику, на мой взгляд, А. Пигу, написавший о том, что в отличие от отцов – основателей экономики, он считает, что рынок, то есть свободный обмен,

свободные отношения между людьми, очень или не очень часто (в разных работах он пишет по-разному), приводит, скажем осторожно, к не самым лучшим результатам. Он назвал это “провалами рынка”. Оставим такое определение на его совести; ведь он написал довольно объемистые труды, полные неточностей. Более того, примеры, которые он приводит, просто говорят о его некомпетентности. Человек он, видимо, был хороший, но трудно называть его “доказательным” экономистом.

Тем не менее его работы произвели ошеломляющее впечатление, получили полную поддержку со стороны “экономистов”. Я это объясняю только одним: они уловили, что на основании заключений Пигу о “провалах рынка” можно пойти к государственным деятелям и посоветовать им, что делать, убедить их в том, что рынок не справился, а теперь какой-нибудь “маркиз Пупкин” справится. Хотя надо сказать, что Пигу тысячу раз оговаривался, поясняя, что провалы государства могут быть еще более чудовищны, чем провалы рынка. И что государство – не какой-то идеальный актер: это тоже группа лоббирования частных интересов, коррупция. Хотя создается такое впечатление, что сам Пигу свои возражения написал просто из порядочности, но не очень обращал на них внимание. Ну, а все остальные ринулись “обрабатывать” государственных деятелей на предмет “повышения благосостояния населения”.

Естественно, с Пигу началась полемика, и хотя на вранье его поймали за руку существенно позже, но уже и тогда было ясно, что в некоторых эпизодах его писания – просто полная чепуха. Безусловно, первым делом против него выступила венская экономическая школа. Это очень своеобразное явление, связанное прежде всего с именем Л. фон Мизеса, и более молодых его последователей, я имею в виду, в первую очередь Ф. фон Хайека. Конечно, они проповедовали то, что позднее стали называть ультралиберализмом, то есть это были люди, которые основываются на вере человека, вере в его разумное поведение, вере в осуществление им рационального выбора.

Речь идет не о духовных вещах и не о вере в Бога, а о том, чтобы жить как нормальные люди: зарабатывать, содержать семью, выбирать решения, ведущие к хорошим результатам. При этом венская экономическая школа, которая была создана одновременно и, мне кажется, в одних и тех же кофейнях, что и венская психоаналитическая школа, никогда не говорила о том, что человек полностью отдает себе отчет в своих действиях. Нет, это не так. Человек поступает “по мнению”, а мнение может быть достаточно разным. Но столкновение индивидуальных волей, их практическое применение дает возможность выработать некоторые способы действий, которые действительно приводят к хорошим результатам.

И если Пигу теперь уже предстает как некое воспоминание, то такой мощный экономист, как Дж.М. Кейнс, отнюдь им не является. Он – основатель огромной школы, которая выступила за государственное регулирование в экономике. Кейнс был поддержан основной массой экономистов. Во-первых, от радости, что кто-то слушает разумных людей и что с экономистами стали считаться, а во-вторых, от того, что вместе с Кейнсом произошел очень серьезный скачок в качестве аппарата, инструментария работы. Математика стала играть совершенно иную роль в экономике. Появились очень интересные результаты, работать стало интересно, возникло много тем для полемики, обсуждение того или иного полученного результата занимало журналы, дебатировалось на конференциях, и действительно сильно продвигало понимание. Собственно, против Кейнса выступал Хайек. Но Хайек считался маргиналом, скорее философом экономики, чем экономистом. Его книги не были насыщены математикой, и это считалось неприличным. Они апелировали, вообще-то, к здравому смыслу, к сознанию и к очень странным для экономистов вещам, например к пониманию строения языка. Хайек утверждал: никто и никогда не придумывал язык (что, по-моему, правда), он возник в результате столкновения индивидуальных волей различных людей. И мы можем на нем общаться, и это гениальное изобретение, у которого нет автора. Точно так же Хайек говорил о рынке и вообще о человеческих взаимоотношениях: это “выработанный язык”, что, на мой взгляд, совершенно правильно, и здесь нет никаких сомнений, но и никаких страниц математических выкладок тут нет. А последователи Кейнса с

помощью таких выкладок разрабатывали проблемы функционирования федеральной резервной системы, но при этом никак не могли понять, почему же она так плохо работает. Но зато у них была полностью формализованная картинка.

Соединенные Штаты Америки – наиболее передовая, наиболее инновационная страна за последние столетия. Очень интересно, что мнение американцев о своих руководителях абсолютно не совпадает с мнением остального мира. Одним из величайших президентов США там считается Т. Рузвельт, которого все американцы любят, почитают, это – легенда. И очень скептически, я бы сказал, поверхностно относятся к Ф.Д. Рузвельту, дальнему родственнику Т. Рузвельта. В мире же наоборот, никто не помнит про Т. Рузвельта, все знают про Ф.Д. Рузвельта, который, мягко говоря, был крайне неудачным президентом. Если Т. Рузвельт боролся за капитализм против Уолл-стрита, боролся с трестами, со всяческим монополизмом, говорил о том, что каждый должен работать, самостоятельно выступать на рынке, развивал экономику человека, ответственного человека, то Ф.Д. Рузвельт очень картинно, декларативно огрызнулся на “жирных котов”, но на самом деле деньги давал именно им. И в конце концов потерпел полный крах в своей экономической политике и, как это не стыдно, как это не страшно сказать, “выручила” его Вторая мировая война.

Сейчас уже практически никто не спорит с этими выводами, но легенда-то остается. А легенда состоит в следующем: Т. Рузвельт был против государственного регулирования. Государственное регулирование по Т. Рузвельту – сделать так, чтобы корпорации, фирмы вели себя прилично на рынке, как он это понимал. А понимал он это в духе совершенной конкуренции. Пусть совершенная конкуренция – идеальный газ, которого нет и никогда не будет, но направление понятно. Ф.Д. Рузвельт затевал общественные работы, строил дороги, и честь ему и хвала – в США хорошие дороги. Но это было совершенно противоположно тому, что предлагал Т. Рузвельт. Ф.Д. Рузвельт сделал ставку на Кейнса. Сомневаюсь, что Т. Рузвельт знал вообще кого-нибудь из экономистов. У него было мышление обыкновенного американца, как у них это называют “*self-made man*”. Но он поступал именно так, как обычно предлагают либеральные экономисты. А Ф.Д. Рузвельт сделал ставку на кейнсианцев, на государственное регулирование, государственные работы, на манипуляции с налогами, ну, и на весь знакомый нам набор “рулежа” или, как теперь говорят, дирижизма.

Этот спор не мог кончиться, он продолжался непрерывно. И когда после Второй мировой войны курс Кейнса и все связанное с ним потерпело сокрушительный крах, когда казалось, что все эти замечательные открытия, все, что сделали кейнсианцы, никакого отношения не имеет к реальной жизни, взоры обратились к Хайеку. И этот старый уже человек, которого в свое время называли маргиналом, стал знаменем либеральной экономики. В качестве последователей его появились такие личности, как М. Фридмен и чикагская школа вообще. Появился либерализм, который почему-то начали называть неолиберализмом, что на самом деле, по-моему, как клизма в ухе¹.

Огромные, победоносные заслуги либерального течения в том, что оно вывело из кризиса послевоенный мир, одержало победы не только экономические, но и политические, сокрушив СССР, абсолютно преобразовав Германию, которая пусть все еще остается дирижистской страной, но уже не такой, как была. Был произведен огромный сдвиг и, по крайней мере, произошло следующее: последователи Кейнса, в полном наборе – Дж. Мид, П. Самуэльсон и др., – конечно же, не расстались со своими мыслями. Они уже привыкли быть консультантами правительств. Это, собственно говоря, и есть их альтернативный заработок, их здесь осуждать нечего: во многом они были, что называется, “схвачены за руку”. Оказалось, что многое из того, что писали и утверждали, просто не соответствует действительности. Спор не окончен. Все равно у экономистов всегда будет стремление повлиять на правительство, что-нибудь заработать и вообще получить признание в качестве “больших консультантов”.

¹ С всеми этими “пост-новыми”, “нео-” и т.п. пора бы кончать. Хотелось бы здесь обратиться к помощи филологов, чтобы они показали: неологизмами экономистам заниматься не следует.

Будет и противоположное стремление: сейчас прикладники-экономисты очень востребованы фирмами, их заработки ныне превысили заработки университетских экономистов, которые работают на правительство. Это вызвало довольно негативное явление – излишнюю математизацию экономики. Спротивление, борьба будут продолжаться, но это уже никому не интересно. Вот об этом я хочу сказать прежде всего. Здесь драма, у которой уже виден финал. Финал будет не взрывом, а взвизгом, как написал Т.С. Эллиот. Будут развиваться и то и другое течения, они будут вяло между собой полемизировать, но это уже никого не будет интересовать.

На первый план уже сейчас выходит совершенно другая драма, совершенно другое столкновение. И это говорит о большей зрелости экономики, о более глубоких корнях противостояния. Они уже абсолютно не касаются вопроса о дирижизме, регулировании и т.п. Речь идет о том, о чем вообще эта наука? Что такое вообще экономика? И здесь возникают две другие фигуры: драма же всегда персонифицирована, таков ее закон. Эти фигуры колоссальной величины. Про них невозможно сказать, что кто-то прав, а кто-то не прав. Это уже совершенно другая постановка проблем. Я имею в виду Г. Беккера и Р. Коуза. Если говорить хронологически, то, наверное, основополагающая работа Коуза вышла раньше, чем основополагающие работы Беккера, но удобней рассуждать наоборот, поскольку Беккер – это последовательный продолжатель отцов-основателей экономики, и в частности И. Бентама. Такая древность.

Что, собственно говоря, представляет из себя доктрина Беккера, о которой можно говорить именно как о доктрине? Экономика изучает выбор человека, это наука о выборе. Коуз это тонко подметил и сказал, что то, чем занимается Беккер, это наука о выборе. Есть понятие “удовольствие”, есть понятие “наслаждение”, есть понятие “лишение”. Между ними располагается понятие “полезность”. Что такое полезность? Коуз справедливо пишет: это некая абстракция, которая совершенно непонятно что означает, это нечто вроде идеального газа или эфира в физике начала XX в. Тем не менее оперируют именно этим понятием – “полезность” (“utility”).

Человек осуществляет выбор. Конечно, сейчас уже говорить на таком примитивном языке, заявляя, что человек просто сравнивает выгоды и издержки, не приходится; такого, конечно, уже давно нет. Но есть, допустим, понятие – “мнение” человека. Не удовольствие, не его оценка, не выгода, а мнение об удовольствии, мнение о лишениях вышло на первый план. Как человек прикидывает свои будущие шаги, что он делает, сказать действительно достаточно трудно. Хотя Беккер наполнил страницы математическими выкладками, эти выкладки носят, на мой взгляд, не количественный, а качественный характер. Они, скорее, иллюстрируют возможность моделирования такого поведения, чем действительно дают какие-то прогнозы. Работы Беккера находятся на грани гениальности, я имею в виду и работу о сегрегации (“Экономическая теория дискриминации”, 1957), и работу о брачном рынке (“Трактат о семье”, 1981), и работу о пристрастиях (“Теория рациональных пристрастий”); не говоря уже о его самой шлягерной работе по экономике образования (“Человеческий капитал”, 1964). Конечно, это исследование человеческого поведения с помощью экономического подхода. Конечно, это наука о выборе, которая, вообще-то говоря, уже не экономика. И в этом смысле Коуз прав. Он задает правильный вопрос: а чем тогда она отличается от других гуманитарных наук, которые тоже говорят о выборе? Да – это аппарат, да – это инструментарий, да – это на десять шагов вперед по сравнению с тем, что делают социологи, не говоря уже о психологах и историках. Но экономика ли это? Тут непростой вопрос. Существует мнение, допустим, И. Валлерстайна, который сказал: если социология, экономика, психология, история будут продолжать оставаться отдельными науками, они никому, кроме себя, не будут интересны. И по-моему, надо с Валлерстайном согласиться: он социолог, и фраза эта была сказана в речи, когда его избирали президентом Всемирной социологической ассоциации. Но на самом деле эта фраза из разряда беккеровских.

Это безусловно то, что теперь получило модное название – “экономический империализм”, когда со своим представлением о выборе экономисты лезут везде. Они

имеют на это право. Поскольку, в общем-то, никто больше такого аппарата и таких подходов не разработал. Но экономика ли это? – еще раз задается вопрос. Мой ответ на него таков: да, возникла наука о выборе, ее же можно называть как угодно – “экономический империализм” или как-нибудь более корректно, но такая наука возникла, и она имеет большую перспективу!

Есть и другой подход, и другой взгляд на проблему: если в действительности все сводится к человеческому выбору того или другого поведения, то задается простой вопрос – а зачем нужны фирмы? Зачем нужны рынки? Что это такое? Собственно говоря, к чему призвал Коуз? Он призвал заниматься предметом исследования. Выглядит это так: давайте не будем изучать человека, которым всегда занимается Беккер и вся его школа, а давайте исследовать институты. Коуз считает, что, если все – это только обменные процессы между людьми, то, для начала, все это не так. Ну нет тут двух компаний, которые сидят на опушке леса и меняют орехи на что-то другое, как рассказывается в учебниках экономики. В таких описаниях все выглядит хорошо, но это абсолютно не соответствует действительности. Существуют фирмы, которые договариваются между собой. Вот на что указал Коуз. Мы не понимаем природу фирмы: что она есть, зачем она нужна вообще? Не понимаем, что такое рынок.

Думаю, что Коуз сделал огромный шаг в сторону именно либеральной хайкевской экономики, ибо он решил объяснить, что это за язык, на котором мы говорим. Мы в результате долгих лет эволюции придумали язык – эти “рынки”, “фирмы”, но мы ими не занимались, мы продолжали заниматься абстрактным “человеком”, который ищет свои “полезности” непонятно где. Конечно, Коуз замечательно остроумный человек, и он правильно сказал, что если у человека все в порядке, то он обязательно выдумает себе либо охоту на львов, либо влюбится. Поэтому, что касается полезности выбора, как он говорит, не надо цельно рассуждать: это все не так. И поведение человека, его выбор, далеко не всегда основан на полезности и пусть этим занимаются все-таки социобиологи, это не дело экономистов. По мнению Коуза, это не предмет нашей науки.

Я должен сказать, что для меня это не очевидно, во многом – это предмет нашей науки. Но на самом деле Коуз тоже прав. Если изучать фирмы, рынки по-настоящему, то мы получаем очень странные результаты. Оказывается, если верны те постулаты, которые проповедуются классической и неоклассической, как угодно назовите, экономикой, то есть каким-то синтезом монетаризма и кейнсианства, то мы в этом мире не живем. Там же получается так, что полная информация у всех есть, и тогда действительно все люди обмениваются, причем в одну секунду, все сделки происходят мгновенно. Но разве это так? Это хоть чему-то соответствует в действительности?

Все рассуждения регуляторов, дирижистов – просто чепуха. Известен, конечно, фантастический пример о маяках, якобы в связи с тем, что там очень много внешних эффектов, то есть их светом может воспользоваться кто угодно, нельзя их купить и построить, только государство с помощью налогов может собрать деньги и построить маяки. Все замечательно, но такого никогда не было. Маяки были построены на частные деньги. Есть маячный сбор – корабль, заходящий в бухту, платит. И Коуз схватил Самуэльсона за руку (а это же написано в классическом учебнике Самуэльсона, который, говоря о том, что вот существуют такие вещи, которые только государство может осуществить, приводит в качестве примера строительство маяков), Коуз сказал, что экономисты перестали изучать предмет исследования, у них есть свои представления о правде, о хорошем, и это они изображают на классной доске.

Вот это выражение Коуза о классной доске, на которой написана вся экономика, заставляет задуматься о том, что же происходит? Если мы все сводим к микроэкономике, то есть к проблеме выбора, то не предаем ли мы заветы самого либерального экономиста Хайека, который все-таки говорил, что мы выработали язык и что он работает. И надо понять, как он работает, а не выдумывать, как он должен работать. Мне кажется, что разыгрывающаяся сейчас драма – драма между двумя этими направлениями, между представлением об экономике как науке о выборе и представлением об экономике как науке о языке. Но в такой ситуации нельзя сделать определенного вывода: вот эти

правы, а вот эти не правы. Все, поезд ушел, экономика уже не является становящейся наукой, которой надо четко определять свой предмет и что-то отбрасывать. Надо достаточно серьезно отнестись к возникшей проблеме и разобраться, что происходит.

Коуз, естественно, попал в маргиналы, его знаменитая статья все-таки датируется 1938 г., а Нобелевскую премию он получил только в 1991 г. Он хорошо это показывает в своих книжках, как все на него набросились и как он, не споря с ними, просто показал, где они врут. Что они некомпетентные люди. А ведь это были величайшие из действующих экономистов. Но сейчас ситуация изменилась, Коуз теперь – знамя, но какое знамя! Подняли, в общем-то, не самые интересные стороны его подходов. Прежде всего, сама по себе теорема Коуза – это совершенно замечательное, безусловно остроумнейшее утверждение о том, что если все происходит так, как говорят классики, то тогда и делать нечего: просто все автоматически перераспределяется, все совершенно замечательно и все делается в одну секунду. То есть это абсурд. Теорема Коуза – теорема об абсурде теоретических представлений классических экономистов. О ней выпущены книги. Но на самом деле она нуждается в совсем другом подходе: посмотреть, а что же происходит на самом деле? На чем Коуз и настаивает.

Что же касается самого шлягерного выражения, которое выпустил Коуз – “трансакционные издержки”, то в дальнейшем он просто перестал пользоваться этим термином, ибо стали писать такое, что ему просто стало неудобно. Да, это издержки, связанные не с трансформацией материала, а с работой фирм, рынков, с переговорами, с информацией, с работой с экстерналиями, то есть всем тем, что составляет интеллектуальную часть экономической жизни. Почему так понравилось это выражение, почему с таким интересом отнеслись к нему? Я думаю в связи с тем, что трансакционные издержки связаны с асимметрией информации. Это показалось дирижистам-кейнсианцам очень хорошим предлогом для того, чтобы заставить государство вмешаться в процесс. Например, запретить использовать инсайдерскую информацию, что-то открыть, где-то закрыть, запретить. Они почувствовали себя в “своем болоте”. И с большим удовольствием начали про это писать, чем возмутили Коуза до глубины души, поскольку вот уж кого не назовешь дирижистом, так это его.

Думаю, что эта драма будет разыгрываться дальше и мы только в начале пути. Приходится еще и еще раз удивиться, как большие ученые любят “закрывать” свою науку. И в середине XX в. некоторые из экономистов говорили, что экономика кончилась, что уже все ясно, что делать уже, собственно говоря, нечего. Только после этого началось по-настоящему серьезное осмысление экономики и проблем, стоящих перед этой наукой. Аналогичный случай за полвека до того произошел с физикой: прозвучало известное заявление, что в физике делать больше нечего, потому что абсолютно все ясно. А после этого появились А. Эйнштейн, квантовая механика и вообще весь набор того, что мы теперь называем физикой. Думаю, что экономика тоже стоит перед очень большим углублением рассмотрения стоящих перед ней проблем.

У меня есть некоторое (я бы даже не назвал это надеждой) мнение о том, что это не будет такая же “война” как между дирижистами и хайековцами. Скорее, это будет взаимное проникновение друг в друга, что может быть чрезвычайно плодотворно, но я хотел бы прибавить в конце своих рассуждений следующее. Как мне относиться к словам Коуза, что наука о выборе – уже не экономика? Надо сказать, что и сам Коуз – тоже уже не экономика, что на самом деле понимание фирмы, понимание рынка, понимание языка, понимание ответственности и т.д. уже выходят за рамки экономики. И если говорить о создании единой гуманитарной науки, то мне кажется, что она не родится только на идеях Беккера. Она возникнет на идеях обоих направлений. Но экономисты ее создать не смогут, если будут продолжать вариться в собственном соку. Например, для развития направления Коуза напрашивается участие лингвистов, филологов, понимание структурирования жизни, структурирования языка, оппозиций. Все это необходимо, потому что иначе мы будем либо изобретать велосипед, что сейчас сплошь и рядом наблюдается, когда в экономической литературе появляются слова про “гомоморфизм” и “изоморфизм”, которые означают что угодно, но только не то,

что они означают на самом деле. В математике то же самое. Экономика подошла к таким областям математики, где необходимо уже математику знать, а не просто прочесть популярную книжку. Так же сейчас произойдет и с лингвистикой, и с филологией.

Пользоваться условными психологией или социологией тоже очень трудно, потому что сами эти науки пока находятся в зачаточном состоянии. Но выхода другого нет. Если направление науки о выборе действительно захочет и дальше заниматься выбором, то придется это делать. Придется вспомнить совершенно замечательную работу Беккера “Несколько замечаний о ресторанных ценах”. Пусть такое скромное название не вводит вас в заблуждение: это статья, где показано, что спрос может зависеть от спроса. То есть это объяснение человеческого стадного поведения, некий анализ того, что такое мода. Есть очень интересная отдельная статья, но нет никаких серьезных разработок на эту тему. И откуда бы им взяться, пока сюда не подключатся не только экономисты, но и люди других гуманитарных специальностей. Я думаю, что перспективы здесь очень хорошие, очень завлекательные, но пойдет ли работа?

Есть очень серьезные препятствия. Во-первых, мне не нравится тот раскол, который образовался между экономистами-прикладниками и экономистами-математиками. Этот раскол непродуктивен. Если университетская наука оторвется от реальных задач, ничего хорошего не будет. Иногда создается впечатление, что даже великие скорее склонны поддержать прикладников. Не только тех, кто с Коузом, но и тех, кто с Беккером. Во-вторых, без фундаментальной математики трудно себе представить дальнейшее развитие экономики, хотя, конечно же, можно смело говорить и о переборе. Как математик по образованию я не стыжусь заявлять, что мы что-то перебрали, что так нельзя. Хотелось бы иметь более смысловые результаты даже по такому примитивному методу, как факторный анализ.

Я приветствую статью американских коллег, где говорится о том, что фактор роста доходов людей, занимающихся образованием, исчерпан. Сам факт, что не занимаются оборудованием учебного процесса и технологиями учебного процесса, – просто бандитизм. Это легкий пример, на котором я хотел показать, что никто не против факторного анализа: он может дать очень хорошие результаты. Но начнем все-таки давать результаты! Я вспомнил замечательную работу американцев, которые сделали этот анализ, но спрашивается: неужели его нельзя было сделать 20 лет назад? Неужели никогда не было ясно, что происходит? Просто боялись, потому что затревожатся коллеги, свои.

Сейчас экономика, к счастью, становится более “отмороженной”, уже почтения перед коллегами все меньше. Это хорошо для любой науки. В сущности, это все, что я хотел сказать, кроме одного вопроса, на который у меня нет ответа и даже нет подхода к его решению. Вся модная, так сказать, “рассуждательная”, наукообразная литература, крутящаяся вокруг проблемы власти, ну и, может быть, выбора, становится безумно неинтересной, поскольку не основана на реальном анализе ситуации. И мне кажется, что такой анализ во многом может предоставить гипотетической гуманитарной науке именно экономика (вспомним пример с маяками). Хотелось бы, чтобы к этим усилиям подключились философы, и прежде всего философы, методологии которых сейчас немного “провисла”. Сейчас же о методологии пишут просто какие-то журналисты. Слово “парадигма” меня до сих пор не оставляет равнодушным... А подлинной методологии нет, хотя она очень нужна. И столкновение тех двух направлений в экономике, о которых я пишу, требует некоторого методологического осмысления уже на более высоком уровне, чем просто человеческое поведение или же, так сказать, человеческие институты. Мы изучаем некую интеллектуальную реальность, в которой есть и то, и другое, и третье и, наверное, десятое. Есть проблемы действительно настоящие, действительно очень серьезные. В. Радаев написал, что он не может говорить о ребенке в терминах “ценность-качество”. Правильно, замечательно! Давайте разберемся, в каких терминах можно говорить? Хотелось бы что-то услышать, кроме трескучих фраз о смене парадигм, хотелось бы понять, что происходит в методологии науки. Пока этого нет...